

— Спа... си... Ключ в... — Кэ Чи, прерывисто говоря, не успел закончить, как Чэн Цзыянь легко снял незапертый замок, открыл ящик и достал оттуда подавитель, положив его в ладонь Кэ Чи.

Его мозг, затуманенный жаром течки, в этот момент точно уловил что-то необычное. Кэ Чи уставился на подавитель, дыхание перехватило:

— Я... Я ведь... «Я ведь запер его на замок, как так вышло?»

Но он уже не мог держаться. Физиологические слезы скатились по его щекам, обжигая кожу, и он изо всех сил укусил крышку иглы подавителя, без колебаний воткнул ее в свою железу на шее с такой силой, что Чэн Цзыянь невольно сморщился от беспокойства.

Подавитель не сработал.

Чэн Цзыянь повернулся и направился к двери, но, взявшись за ручку, почувствовал, как воздух вокруг наполнился еще более насыщенным ароматом феромонов Омеги. Он тоже понял это.

Для Альфы это было самым явным приглашением.

— Его заменили... Это не... — Кэ Чи опустил на колени у кровати, едва держась, согнувшись у края. Его одежда промокла. Его бормотание Чэн Цзыянь не расслышал и не понял, но он знал, что этот Омега был на грани срыва.

Чэн Цзыянь повернулся и увидел, как по лицу Кэ Чи, покрытому неестественным румянцем, тихо катятся слезы. Его сердце невольно смягчилось, хотя он знал, что этот Омега уже совсем не похож на того Кэ Чи, которого он знал в юности.

— Я оставлю тебе временную метку, — Чэн Цзыянь наконец вздохнул, возвращаясь к Кэ Чи и мягко приседая рядом.

Они были так близко, что Чэн Цзыянь мог ясно видеть, как в глазах Кэ Чи, находящегося в состоянии эйфории от желания, при слове «метка» появился почти осязаемый страх.

— Нет! Не надо метки! — Кэ Чи, его зрение затуманилось, словно он в одно мгновение вернулся в переулок много лет назад, где острые зубы Альфы грубо пронзили его железу. Боль все еще отдавалась в шее, с бесконечным отчаянием и ужасом сжимая его израненное сердце.

Его яростное сопротивление удивило Чэн Цзыяня и поставило его в затруднительное положение.

Он не был тем Альфой, который мог просто так решать проблемы Омег в период течки, но он не мог долго оставаться здесь, не будучи уверенным, что его самоконтроль сможет противостоять феромонам Омеги, который изо всех сил пытался соблазнить его, тем более что этот человек, в некотором смысле, не был тем Омегой, с которым можно было бы иметь мимолетную связь без последствий.

Чэн Цзыянь встал, собираясь покинуть комнату и позвонить врачу, когда услышал доносящийся сзади звук, полный отчаяния и беспомощного плача:

— Братик Цзыянь...

Чэн Цзыянь резко обернулся к Кэ Чи. Омега, мучимый жаром течки, съежился в узком проходе между кроватью и столом, выглядел жалко и беспомощно.

Его лицо, покрытое толстым слоем дешевого макияжа, было размазано, но это не скрывало его естественной красоты. Слезы, катившиеся из уголков его глаз, словно падали прямо на сердце, вызывая боль и горечь.

«Он... помнит?»

В голове Чэн Цзыяня всплыли старые воспоминания, те, которые он помнил, и те, которые были уже не так ясны, словно облака, проплывающие перед его запутанным сердцем.

Насыщенный аромат розы в воздухе начал постепенно терять свою силу, он сжег все, что у него было, чтобы выпросить немного жалости у Альфы, и, когда последняя капля влаги высохнет, алая роза увянет.

Кэ Чи лежал на краю кровати, его лицо было скрыто в сложенных руках, и Чэн Цзыянь, подойдя ближе, мог видеть следы зубов на его бледных руках, почти до крови. Он, казалось, плакал, но, кроме прерывистого дыхания, не издавал ни звука, только его худые плечи слегка дрожали, выдавая его беспомощность.

Он не был той ослепительной звездой «Цзуйсэ», которой был на сцене всего несколько минут назад, но в какой-то момент он заставил Чэн Цзыяня снова вспомнить того маленького Омегу, которого он когда-то знал, того, кто любил греться на солнце в саду.

Чэн Цзыянь снял его сдвинутый парик, и можно было увидеть, что его мягкие черные волосы были мокрыми от пота, прилипшими к вискам, показывая его настоящую мягкость, скрытую под яркой внешностью.

Кэ Чи был почти без сознания, но в его бреду все еще оставалась тень осознания. Это был не первый раз, когда он переживал период течи, но побочные эффекты от долгого использования дешевых подавителей на этот раз обрушились на него с новой силой, и он с ужасом понимал, что этот период течи будет не так просто пережить.

Мягкий и устойчивый аромат Альфы аккуратно окружил его, эффективно успокаивая его почти иссохшую жажду, и он невольно потянулся к нему, желая получить больше.

Аромат Альфы был каким-то древесным, но, в отличие от страстной розы, он был мягким и светлым, с присущей Альфам силой и стабильностью, но также с прохладной мягкостью, словно подарок весеннего ветра в солнечный день.

Кэ Чи почти мгновенно обнял шею Чэн Цзыяня, когда тот обнял его за талию, словно утопающий, хватающийся за последнюю соломинку, его пальцы, сжимающие одежду на шее Альфы, побелели от напряжения, боясь, что он просто бросит его.

На одной кровати двум людям было тесно, и тонкий матрас с простыней были неудобны, поэтому Чэн Цзыянь вынужден был разложить сложенное в изголовье одеяло под Кэ Чи, чтобы ему было немного комфортнее.

.....

Роза с нетерпением обвивала нежные лепестки и ветви вокруг эбенового дерева, окруженная легким запахом табака, который, однако, не был неприятным, с нотками прохладной мяты, а затем эбеновое дерево мягко и спокойно успокаивало ее.

Руки Кэ Чи, обнимавшие его шею, постепенно ослабли, его лицо, повернутое к стене, было

скрыто в тени, и его выражение было неразличимо, но Чэн Цзыянь мог ясно видеть, как его тихие слезы пропитали подушку, но было ли это от боли или от чего-то другого, он не знал.

Возможно, потому что у них не было никаких отношений любовников, эта странная близость, которая могла бы влюбить любую пару, странным образом вернула Кэ Чи немного ясности. Казалось, он вернул себе немного рассудка из этого спокойного и абсурдного удовольствия.

.....

Яркий аромат розы постепенно ослабел, а эбеновое дерево, окрашенное в оттенки страсти, также стало более сдержанным.

Кэ Чи не было сил, и, когда Альфа отвел его в маленькую ванную и помог ему помыться, он тихо поблагодарил, а затем был уложен обратно в кровать Альфой, который хмурился.

Чэн Цзыянь был весь в поту, его тело липло, и мягкая кожа Омеги все еще ощущалась на его пальцах, что заставляло его насильно отгонять неподходящие мысли, но он не мог оставаться здесь дольше, поэтому просто поправил свою одежду.

— Я оставлю тебе метку, — Чэн Цзыянь стоял у кровати, глядя на Омегу, свернувшегося в клубок и выглядевшего таким хрупким. — Следующие волны течи я не смогу помочь тебе пережить.

Пальцы Кэ Чи, сжимающие край одеяла, сжались еще сильнее. Его зрение снова помутнело, и отчаяние и страх, которые он почувствовал, услышав слово «метка» час назад, снова навалились на него. Но он не мог сказать ни слова, не мог отказаться от помощи Альфы, тем более что это был лучший выход, поэтому он только опустил глаза и кивнул, стиснув зубы, перевернулся и обнажил свою шею, изо всех сил стараясь подавить дрожь, вызванную страхом.

Его страх был настолько внезапным, что Чэн Цзыянь невольно обратил внимание на его лицо, но Кэ Чи только глубже уткнулся лицом в одеяло, не желая показывать свои эмоции.

Тихий плач «Братик Цзыянь» все еще звучал в его ушах, и, хотя у Чэн Цзыяня было множество вопросов, он не мог задать их сейчас, поэтому просто сел рядом с Кэ Чи.

<http://bllate.org/book/16759/1562876>